

Игнатий Громов: дезертир, дважды партизан и дважды зэк

Что мы знаем об Игнатии Громове? Что партизан, что имеет улицу на Затулинке и мемориальную доску на большом красном доме (Красный проспект, 56), что первым был удостоен звания почетного гражданина Новосибирска. Но этот человек сыграл в истории Сибири более значительную роль, нежели просто как удачливый партизанский командир. Громов — интересная и колоритная фигура, но книга о нем Сергея Омбыша–Кузнецова «Повесть о партизане Громове», хотя и вышла во вполне свободном 1990 году, затрагивает только партизанский период и даже мельком не сообщает, что Громов в 38–м был арестован, пытан и приговорен к расстрелу. И неудивительно, поскольку просто повторяет издание далекого 1958 года, где живописалась только революционная сторона его жизни...

знак протеста против расстрела рабочих на ленских приисках.

Смолоду Игнатий вкалывал на заводах Воронежской губернии: мыловаренном, воскобойном, свечном, салотопенном. Тяжелая работа (а рабочие салотопенного завода обдирали всякую палую скотину) не вдохновляла, так что большевистская агитация пришлась Громову по вкусу. В марте 1906 года, когда из-за революционных событий к нему стали присматриваться власти, он уехал подальше и осел на Алтае у родственника. Устроился на маслобойный завод «Сибирской компании датчан», но вскоре попался на устройстве какого-то «антирождественского маскарада» и смылся от греха подальше в Хабаровск. Там Громов строил Амуро–Забайкальскую железную дорогу и ненадолго был арестован за организацию забастовки в

Первые радости власти

Когда началась мировая война, Громова мобилизовали в армию. На фронт он не попал, а когда Временное правительство отправило громовскую часть воевать, Игнатий Владимирович счел за благо дезертировать и сбежал с группой солдат. Приехав в Камень (нынешний Камень–на–Оби), он дождался октябрьского переворота и принялся за строительство политической карьеры. Бойкого 33–

летнего пролетария как-то легко избрали председателем уездного совета и из алтайского захолустья отправили делегатом на 3–й Всероссийский съезд Советов в Петроград. Вернувшись, он узнал, что в городе было восстание с участием эсеров, которое легко подавили красногвардейцы. Для суда над повстанцами Громов тут же организовал ревтрибунал и арестовал тех, кого счел нужным, включая эсера — депутата Каменского совета. Местная эсеровская газета осудительно написала: «Каменские самостийщики начинают трибуналь. Скоро придет время, когда мы их самих привлечем к ответу». И действительно, советскую власть смыло очень скоро. Но пока Громов был у власти, зажиточные горожане потеряли немало: совет, где большевики имели большинство, налагал контрибуции и лихо реквизирует имущество богатеев, отбирая мануфактуру, керосин, соль, спички, мыло. Это добро меняли в деревнях на продукты, сочетая бартер с организацией продовольственных отрядов, которые грабили самих селян. Когда после мятежа чехословацкого корпуса белые захватили всю Сибирь, Громов подался в партизаны. Человек активный, он был хорошим организатором и постепенно (первую зиму, чудом избежав поимки в своей деревне, просидел довольно тихо) собрал большой отряд, который в течение девятнадцатого года превратился в целый корпус. Партизаны воевали круто — могли после горячего боя с зажиточными крестьянами, поддерживавшими колчаковскую милицию, порубать сразу сотню–другую пленных. Громову приходилось когда лично расстреливать врагов советской власти, когда лично пресекать грабежи и издевательства над мирным населением собственных орлов. Во время суда в 1939 году Громов, отвечая на показания мстившего ему бывшего партизана А. Боженко, рассказал, что однажды кавалерийский эскадрон из батальона

Афанасия Боженко «разграбил ст. Аул, отдельные бойцы насильовали женщин; узнав об этом, я сам приехал на место, снял с бойцов все награбленное и оставил их почти голышом». Захватив Камень и прогнав колчаковцев, Громов немедленно собрал священников и велел им во всех церквях отслужить молебны — по случаю победы и во здравие вождя мирового пролетариата Ленина. А десять дней спустя его корпус влился в ряды Красной Армии. В 1920 году Громов возглавлял алтайскую губмилицию, а в следующем году стал заведующим отделом управления Новониколаевского губисполкома. Невинное название «отдел управления» скрывало весьма специфические функции — эти отделы в первые годы советской власти отвечали за работу карательных учреждений: милиции, тюрем, концлагерей. Сообразно должности Громов некоторое время входил в коллегию губчека и легко по доносам всякой швали приговаривал к расстрелу тех, кто раньше служил у Колчака или просто жил слишком хорошо. Например, осудил к «вышке» сельского учителя Всеволода Иванова–Залесского, которого волостные власти заклинали пощадить как «на редкость энергичного работника просвещения». Или малограмотного зажиточного крестьянина Петра Солдатова (имевшего 30 десятин, четырех лошадей и двух коров), облыжно обвиненного сексотами в создании ячейки белогвардейской повстанческой организации в селе Вертково Бугринской волости...

Партизан в столице Сибири

Потом Громов работал в новониколаевском губисполкоме — заместителем председателя, а затем и председателем. Строил кирпичные заводы, жилые дома, предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. Мостил дороги, устроил мост через Каменку, боролся с колоссальной уголовной преступностью — словом, посильно создавал в столице Сибири какое-то подобие нормальной жизни. Во второй половине двадцатых был председателем Барабинского и Бийского окружных исполкомов, а в разгар коллективизации 46-летний чиновник был отправлен в Москву на курсы Института марксизма–ленинизма. Два года спустя подкрепивший политграмотой свое начальное образование Игнатий Владимирович вернулся в Новосибирск и пять лет подряд работал вторым человеком в системе партийного контроля Западной Сибири. Шерстили ряды коммунистов два сапога пара, совесть партии краевого масштаба — дезертир Игнатий Громов и его начальник Максим Ковалев, избежавший мобилизации в 1916-м путем подделки записи в военном билете... А потом наступил 1937 год.

Сначала Громову объявили о политическом недоверии и сняли с работы. Раз многие сотни членов партии оказались врагами народа, то контрольный парторган допустил, по крылатому выражению товарища Сталина, «идиотскую болезнь — беспечность». Около года Громов проработал заместителем директора облмаслопрома, а 30 июля 1938 года его арестовали по обвинению в участии в правотроцкистской заговорщицкой организации.

Дважды судимый

После ареста у Громова изъяли редкий в ту пору орден Красного Знамени, мелкокалиберную винтовку и две связки рукописей. И сразу пошли изнурительные допросы. Более месяца Громов отвергал обвинения, а потом под натиском матерых следователей признал себя виновным и показал, что в правотроцкистскую организацию его завербовал первый секретарь крайкома Роберт Эйхе в декабре 1932 года. С помощью партизан заговорщики во главе с Робертом Эйхе везде-везде создавали повстанческие отряды. Арестованный в Москве Эйхе на допросе показал, что «в период коллективизации мы требовали от партизан обобществления всего их хозяйства и имущества, переоблагали их штрафами, применяли другие провокационные меры для вызова недовольства с их стороны». Эйхе признал, что поручил Громову «организовать партизан и готовить группы для вооруженного выступления против Советской власти». Следствие установило, что в аппарате партколлегии Громов защищал—де врагов народа и «избивал» честных коммунистов.

14 ноября 1938 года выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР в 23 часа 10 минут начала рассмотрение дела Громова. Судьи уложились в три минуты. Бывший партизан заявил, что действительно состоял в заговорщицкой организации, желавшей отдать Сибирь под протекторат Японии... Заранее заготовленный приговор гласил: высшая мера наказания. Громова осудили на исходе террора, что и спасло жизнь приговоренному к «вышке». До исторического постановления ЦК и Совнаркома, притормозившего повальный террор, оставалось три дня, но какие-то новые инструкции на местах уже были получены. Начальник тюрьмы, отвечавший за расстрелы, сильно удивлялся тому, почему осужденных не расстреляли сразу после вынесения приговора. Громову дали написать прошение всесоюзному старосте Михаилу Калинину о помиловании. В нем говорилось, что Громов с 1933 года был в правотроцкистской группе, но до того времени «честно работал на дело укрепления Советской власти». Потянулись дни ожидания... 27 ноября приговор был отменен и дело направлено на новое рассмотрение. И только 23 апреля 1939 года Громов

нашел в себе силы отказаться от показаний.

В заседании военного трибунала СибВО в декабре 1939 года подсудимый заявил: «Свои подписания я подписал после того, как мне стали заковывать руки в железные наручники, делать длительные выстойки, угрозы расправиться с моей семьей и старым палашом отрубить голову. Особенно на меня повлияли угрозы расправиться с моей семьей. Я потерял самообладание. <...> В тот момент я был доведен до такого состояния, что готов был писать все что угодно». Громов вспоминал, что заседание военной коллегии продлилось две–три минуты, а перед ним «меня долгий период обрабатывали: предлагали полностью подтвердить свои показания. <...> Заявление о помиловании ... мне писал в камере осужденный Оранский. Сам я этого сделать был не в состоянии». Еще Громов назвал фамилии нескольких известных партизан, сказав, что «знал их по партизанскому движению как кулацко–эсеровские элементы», о чем сообщил в 1936 году начальнику УНКВД и секретарю крайкома Эйхе «в связи с осложнившейся международной обстановкой». Характерен комментарий чекистов к факту отказа партизана от прежних показаний: дескать, «каких–либо сомнений дело Громова не вызывает хотя бы по одному тому, что данные им ранее показания о том, что он был завербован в состав правотроцкистской организации врагом народа Эйхе, полностью подтверждаются показаниями последнего, хотя Эйхе допрашивался в Москве». Директор областной научной библиотеки Нина Третьякова дала благоприятные показания о подсудимом: дескать, тот защищал линию партии и «к врагам народа был непримиримым большевиком».

9 декабря 1939 года Громова оправдали за недоказанностью вины. Он еще успел применить свой боевой опыт в годы Отечественной войны, прежде чем ушел на покой после десятилетий, прожитых на смертельных качелях советской истории. Последнюю четверть века Громов провел в ранге персонального пенсионера, обязательного почетного гостя, всегдашнего делегата и депутата, неперемного члена... За четыре года до смерти стал почетным гражданином города. И в 1971 году спокойно умер — пять дней спустя после своего 87–летия.

Обними палача, или Рандеву за линией фронта

...Почтенного сибирского партизана Игнатия Громова в начале войны призвали поработать по старой специальности и забросили в немецкий тыл. Там его какое–то время спустя встретила партизанская группа. Здороваясь с командирами, Громов увидел симпатичного молодого человека с открытым лицом и вдруг оцепенел: перед ним стоял тот самый следователь НКВД, который в 1938 году свирепо допрашивал его, подводя под неминуемый расстрел. Первой мыслью Громова было схватить свой автомат и прошить ненавистного выродка очередью в упор. Вторая мысль остановила гневную руку: раз этот человек тоже работает в тылу врага и рискует жизнью вместе со всеми, то, значит, по поручению родной коммунистической партии делает вместе с Громовым одно дело. В воспоминаниях старого партизана далее следует потрясающая фраза: «Я подошел к нему, мы обнялись и расцеловались, но не как враги».

Алексей ТЕПЛЯКОВ